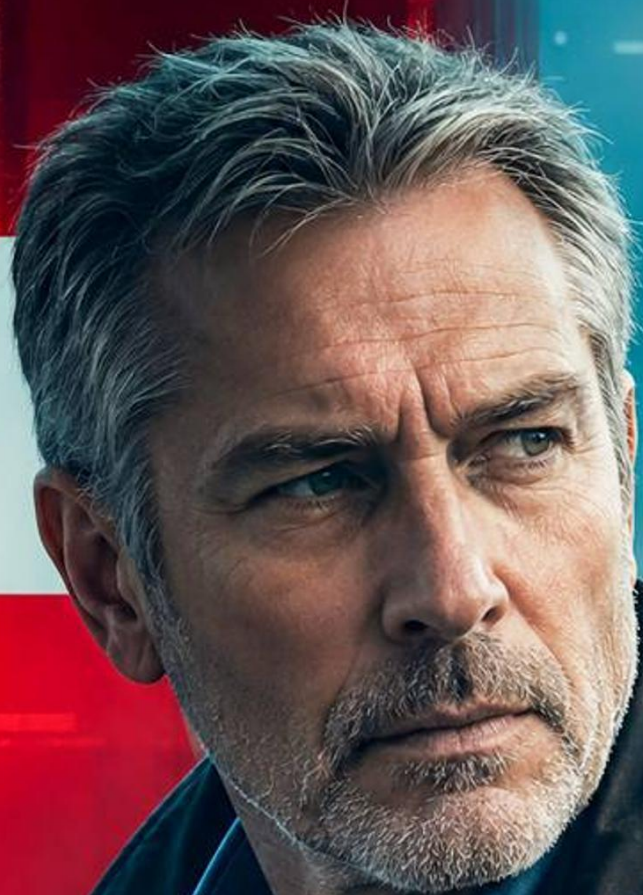

МЕЙСОН ХОЛТ

SOURCE IP
CLASSIFIED

DATA BREACH

DATA BREACH

ЭРОЗИЯ ИСТИНЫ

18+

Мейсон Холт

Эрозия истины

«Автор»

2026

Холт М.

Эрозия истины / М. Холт — «Автор», 2026

Москва, август 1991 года. Во дворе Лубянки горят архивы советских активных мероприятий. Молодой американский дипломат Роберт Хербст слышит: это не конец империи лжи, а ремонт инструмента. Новая пропаганда не будет заставлять людей верить в ложь — она отучит верить хоть во что-нибудь. Тридцать лет спустя отставной аналитик ЦРУ Алекс Корн замечает знакомый почерк в информационной атаке: слухи, цифровые посредники и взаимоисключающие версии работают на подрыв доверия. Расследование ведет его из Вашингтона в Брюссель, Ригу и Киев. Украинская журналистка Елена Мельник выходит на организацию Собор, чьи спорные экспертизы связаны с конфликтами вокруг семей и религиозных меньшинств. Латвийская журналистка Марта Озолия обнаруживает связи между политиками, фондами «традиционных ценностей» и антикультовыми структурами. Постепенно Корн понимает: главный инструмент системы — не одна большая ложь, а множество противоречивых версий. Люди устают проверять факты, пока не начинают сомневаться во всём.

© Холт М., 2026

© Автор, 2026

Мейсон Холт

Эрозия истины

Настоящее издание представляет собой художественное произведение. Все имена, персонажи, диалоги, события, организации и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла и используются исключительно для раскрытия авторского замысла. Любое сходство с реальными лицами, событиями, обстоятельствами, организациями, названиями, публичными спорами или общественными процессами является случайным и непреднамеренным. Мнения, реплики и оценки персонажей являются частью художественного повествования и не должны восприниматься как позиция автора в отношении конкретных реальных лиц или организаций.

Пролог

Москва, 22 августа 1991 года. Дым от костра во внутреннем дворе на Лубянке поднимался вертикально — безветренный вечер, редкий для этого города в конце лета. Роберт Хербст, третий секретарь посольства США, двадцати восьми лет от роду, стоял у решётки ограды с блокнотом, который он так и не открыл. Толпа за его спиной ещё скандировала у памятника Дзержинскому, кто-то тащил трос к постаменту. А здесь, во дворе, где ему совсем не полагалось находиться, два человека в штатском методично скармливали огню картонные папки.

Один из них — грузный мужчина с седыми усами, в форме без знаков различия — заметил Хербста не сразу. Когда заметил, не удивился и не разозлился. Он вытер руки о полы пальто и подошёл к решётке так спокойно, будто они были знакомы годами.

— Секретарь посольства, — сказал он по-английски, разглядывая Хербста, как разглядывают экспонат. — Пришли посмотреть на похороны?

— Полковник? — Хербст кивнул на погоны, которых не было. — Или уже нет?

— Ковальчук. Можно без звания, оно сегодня ничего не стоит. — Он усмехнулся и обернулся на костёр. — Идёмте, юноша. Что у вас, блокнот пустой? Так и запишите: сгорел архив службы «А». Активные мероприятия. Двадцать лет архива.

Хербст посмотрел мимо него, на огонь, в котором обугливались углы фотографий, машинописные строки, гербовые печати. Хлопья пепла оседали на брусчатку, как первый снег — только тёплый и с запахом бумаги, а не мороза.

— Вы жжёте доказательства, — сказал он.

— Мы жжём инструменты, которые больше не нужны, — поправил Ковальчук. — Доказательства останутся. Их всегда оставляют достаточно, чтобы через тридцать лет какой-нибудь дотошный историк написал книгу и решил, что разгадал систему. — Он снова усмехнулся, но в этот раз усмешка не дошла до глаз. — Вы думаете, это конец, секретарь. Вы стоите здесь, смотрите на дым и думаете: вот оно, мы победили, империя лжи горит.

— А это не так?

— Это ремонт. — Ковальчук произнёс это слово по-русски, будто оно было точнее любого перевода. — Инструмент устарел. Прямая пропаганда, глушилки, товарищ Иванов с плакатом — всё это работало против людей, у которых было три канала телевидения и один сосед-стукач. Против человека с двумя тысячами источников информации в кармане это не сработает. Нужен другой инструмент.

— Какой?

Ковальчук наклонился к решётке — так близко, что Хербст почувствовал запах табака и гари.

— Не тот, что заставит их поверить в ложь. — Он говорил тихо, почти по-дружески. — Тот, что отучит их верить хоть во что-нибудь. Тогда правда и ложь будут стоять одинаково —

то есть ничего. И побеждать будет тот, у кого просто больше ресурсов, чтобы кричать громче. Запомните это, секретарь. Может, лет через тридцать пригодится.

Он повернулся и пошёл обратно к костру, и в этот момент порыв ветра — единственный за весь вечер — вырвал из огня непрогоревший клочок бумаги и бросил его к ногам Хербста, за решётку. Хербст быстро наклонился и поднял его прежде, чем клочок долетел до лужи.

Обгоревший край скрывал большую часть текста. Уцелели только несколько машинописных строк по-русски и одна фраза, обведённая от руки синими чернилами: «зеркальные комбинации нового поколения — цель: не убеждение, а истощение доверия».

Хербст сложил клочок вчетверо и убрал его во внутренний карман пиджака. Ковальчук у костра не обернулся — то ли не заметил пропажи, то ли ему было всё равно.

Три десятилетия спустя этот клочок бумаги, пожелтевший и хрупкий, будет лежать в нижнем ящике стола посла Хербста в Брюсселе, рядом с фотографией внуков и потрёпанным экземпляром «Длинной телеграммы» Кеннана. Он ещё не будет знать, кому передаст его первым.

Глава 1. Позывной из прошлого

Ржавчина на мачте коротковолновой антенны за зиму проела металл до тёмно-рыжих хлопьев. Алекс Корн наблюдал за ней через кухонное окно, держа в руках остывающую кружку с черным кофе. Дом в Аннандейле, штат Виргиния, был слишком велик для одного человека, особенно после того, как годы службы в ЦРУ остались позади, оставив после себя лишь привычку к тишине и архивные коробки в подвале. Ветер покачивал провода, ведущие к крыше. Надо было счистить эту ржавчину еще в октябре, покрыть грунтом, но каждый раз находились отговорки.

Звук гравия под шинами нарушил утреннюю тишину. На подъездной дорожке остановился серый седан, из которого торопливо выбралась молодая женщина с объёмной кожаной сумкой. Молли Райан, аналитик-контрактник Агентства национальной безопасности, никогда не звонила заранее. Она захлопнула дверцу машины бедром, одновременно пытаясь удержать бумажный стаканчик и картонную папку.

Замок входной двери щёлкнул прежде, чем она успела нажать на кнопку звонка. Корн стоял на пороге, молча глядя на бывшую коллегу.

— Я знаю, что ты на пенсии, Алекс, — с порога заявила Молли, протискиваясь мимо него в прихожую. И я знаю, что ты ненавидишь, когда я приезжаю без предупреждения. Но телефонные линии для этого не годятся.

Тяжёлая сумка глухо стукнулась о деревянный стол в гостиной. Из недр сумки появился ноутбук, обклеенный стикерами конференций по кибербезопасности, и толстая пачка распечаток. Графики вовлечённости, гистограммы, списки IP-адресов.

— Доброе утро, Молли, — Корн не спеша закрыл дверь и прошёл к столу. — Кофе не предлагаю, у тебя свой. Что настолько срочно, что нельзя было подождать до понедельника?

Экран ноутбука мигнул, оживая. На дисплее развернулась сложная паутина узлов и связей, подсвеченная тревожным красным цветом.

— Балтийский химический завод, — произнесла она, разворачивая к нему монитор. — Три дня назад в анонимном Telegram-канале с аудиторией в четыреста человек появляется короткий пост. Суть: на заводе произошла утечка экспериментального реагента, который попадает в грунтовые воды. Пост висит незамеченным два часа. Затем его репостит сеть аккаунтов, маскирующихся под экологических активистов.

Палец Молли скользнул по тачпаду, увеличивая масштаб графика. Временная шкала внизу экрана показывала плотную стену активности.

— За одиннадцать часов история преодолевает языковой барьер. Сначала польские форумы, потом немецкие группы в Facebook, посвящённые альтернативной медицине. К утру четверга хэштег #BalticPoison выходит в тренды Твиттера. А вчера вечером... — Она выта-

щила из папки верхний лист и положила перед Корном. — Колонка американского комментатора средней руки на весьма уважаемом портале. Заголовок: «Тревожный сигнал, который замалчивают элиты».

Бумага была тёплой, словно только что из принтера. Текст колонки изобилдовал вопросительными знаками и ссылками на «независимых исследователей». Абзацы строились вокруг одной мысли: правительства скрывают правду о заражённой воде, потому что сами участвуют в этом эксперименте над населением.

— Обычная ботоферма, — Корн отодвинул лист. — Коммерческий спам, раздутый алгоритмами. Кто-то шортит акции химической компании или просто накручивает трафик для продажи рекламы. Ты приехала в такую рань ради стандартной накрутки?

Стук кофейного стаканчика о столешницу прозвучал резче, чем задумывалось. Молли скрестила руки на груди.

— Посмотри на тайминги, Алекс. Ботофермы работают волнами, у них есть пики и спады, зависящие от часовых поясов и бюджетов на закупку аккаунтов. А здесь кривая роста выглядит как идеальная экспонента. Никакого хаоса. Каждое звено цепи передавало информацию ровно в тот момент, когда предыдущее достигало максимума охвата. Это не спам. Это военная дисциплина.

Свет из окна падал на распечатку, высвечивая отдельные фразы. Взгляд Корна зацепился за один абзац в середине колонки. Он медленно опустил на стул, придвинув лист ближе.

«Нам говорят, что вода безопасна. Нам показывают отчёты инспекторов. Но просто задайте себе вопрос: кому выгодна эта безопасность на бумаге? Почему местные жители жалуются на странный привкус, а власти лишь разводят руками?»

Фраза-триггер. «Просто задайте себе вопрос».

Дыхание Корна стало ровнее, почти незаметным. Память мгновенно отбросила его на сорок лет назад. Западный Берлин, 1983 год. Тесная комната на верхнем этаже конспиративной квартиры. На столе перед ним лежал перехваченный учебный мануал КГБ для офицеров управления «А». Методичка по созданию «зеркальных нарративов».

Текст того пособия учил не доказывать ложь напрямую. Он учил сеять сомнение через риторические вопросы, маскируя внедрение нужной мысли под независимое критическое мышление объекта. Целью было не убедить читателя в существовании заговора, а заставить его усомниться в реальности фактов как таковых.

— Синтаксис, — тихо произнёс Корн, не отрывая взгляда от бумаги.

— Что? — Молли наклонилась вперёд.

— Это не коммерческий спам, Молли. Ты права насчёт дисциплины, но дело не только в таймингах. Дело в архитектуре текста.

Он поднялся и направился к лестнице, ведущей в подвал. Деревянные ступени скрипели под его шагами. Ряды металлических шкафов занимали почти всё пространство. Корн подошёл к третьему стеллажу, выдвинул ящик с пометкой «1990-е – Аналитика» и начал перебирать плотные манильские папки.

Шорох бумаги эхом разносился по подвалу. Пальцы наткнулись на нужный ярлык. Он вытащил тонкую папку и вернулся наверх, бросив её на стол рядом с ноутбуком Молли.

Внутри лежала пожелтевшая вырезка из аналитического вестника начала нулевых. Статья под названием «Америка в упадке — правда или информационная вкладка».

— Почитай введение, — предложил Корн.

Молли пробежала глазами по строкам.

— «Считаете ли вы, что Америка сегодня находится в упадке? В последние десятилетия тема упадка стала широко обсуждаемой. Уровень патриотизма падает, доверие к будущему ослабевает. Однако по основным показателям Америка продолжает процветать. Почему так происходит?»

Она подняла взгляд.

— И к чему это? Обычная политологическая статья.

— Читай дальше. Раздел про психологические установки.

Корн постучал пальцем по распечатке с колонкой о химическом заводе.

— Видишь совпадение? В обоих случаях используется один и тот же механизм воздействия. Сначала рисуется картина скрытой угрозы — упадок страны или отравленная вода. Затем аудитории предлагается самой сделать вывод, подталкивая её через вопросы. «Просто задайте себе вопрос». Это не попытка продать фильтры для воды. Это тест системы.

Молли нахмурилась, переводя взгляд с экрана на старую статью.

— Тест чего?

— Каналов доставки нарративов. Они проверяют, насколько быстро можно отмыть абсурдный слух до уровня легитимной дискуссии в мейнстримных медиа.

В памяти Корна всплыл ещё один документ, который он изучал много лет назад, анализируя методы деструктивного психологического воздействия. Это был странный отчёт о поездках некоего профессора по Советскому Союзу в семидесятых годах. В одном из эпизодов местные жители задержали путешественников у колодца, опасаясь диверсии.

Он обошёл стол и опёрся руками о спинку стула.

— Знаешь, как там реагировали люди на чужаков у источника воды? Они заставили их выпить по литру из колодца. И даже тогда не поверили. Знаешь, что они сказали? «А вдруг вы подлили туда такой яд, который сейчас не действует, а заработает через год?»

Тишина в комнате стала плотной. Слышно было только гудение вентилятора ноутбука Молли. — Яд, который сработает через год, — медленно повторила она. — Конспирология отложенного действия.

— Именно. Это старый, глубоко укоренённый страх перед невидимой угрозой. Заражение. Отравление. То, что нельзя проверить немедленно. Если ты внедряешь этот страх в общество, уровень базового доверия рушится. Соседи начинают подозревать друг друга. Читатели перестают верить официальным опровержениям, потому что «власти всегда скрывают».

Экран ноутбука показывал, как красные точки продолжают пульсировать, распространяясь по карте Северной Америки и Европы.

— Вчера мы зафиксировали похожие всплески по другим темам, — тихо сказала Молли, открывая новую вкладку. — Антикультовые организации в Европе внезапно начали синхронно публиковать отчёты о «деструктивных группах», использующих те же паттерны обвинений. Они называют религиозные меньшинства угрозой национальной безопасности. И снова — идеальная дисциплина распространения. Словно по команде.

Графики на экране сливались в единую картину массивной информационной операции. Это больше не походило на разрозненные инциденты.

— Они используют уязвимости западных обществ для подрыва национального единства, — Корн отошёл к окну. Ржавая антенна на крыше всё так же покачивалась на ветру. Символ его изоляции, его нежелания вмешиваться в дела мира, который изменился до неузнаваемости.

Во времена холодной войны всё было проще. Были резидентуры, тайники, микроплёнки. Были чёткие линии фронта. Теперь враг не пересекал границы с оружием. Он проникал в смартфоны, в ленты новостей, в умы людей, заставляя их ненавидеть собственных соседей.

Информационное истощение. Общество перегружено противоречивыми фактами. Люди устают разбираться, где правда, а где ложь, и в итоге выбирают самую эмоционально заряженную версию или не верят никому вообще.

— Что мы можем с этим сделать? — голос Молли вырвал его из раздумий. Она закрыла папку. — Моё руководство считает, что это просто шум. Очередная теория заговора, которая сойдёт на нет через неделю. Они не дадут санкцию на глубокое расследование без доказательств причастности конкретных государственных акторов.

Корн долго смотрел на серые облака над деревьями. Отставка была комфортной. Она позволяла читать книги, слушать радиоэфир и делать вид, что чужие войны его больше не касаются. Но почерк, который он увидел сегодня, был слишком знаком. Это был вызов, брошенный теми, кто считал демократию слабостью.

— Доказательства не появляются сами по себе, — наконец произнёс он. — Их нужно добывать там, где эта система обкатывалась до того, как ударить по нам.

Он подошёл к небольшому столику у стены, где стоял старый стационарный телефон. Аппарат казался архаичным на фоне современных гаджетов, но Корн предпочитал надёжность медных проводов.

Пальцы легли на трубку. Пластик был холодным. Три года он не набирал этот номер. Три года назад он пообещал себе, что больше никогда не втянет старых знакомых в свои игры. Но сейчас правила изменились. Точнее, их больше не существовало.

Длинный гудок в трубке. Щелчок международной линии. Маршрутизация сигнала через Атлантику, в город, который прямо сейчас находился под постоянным давлением, где информационные атаки шли рука об руку с реальными угрозами.

На другом конце провода раздался хриплый голос, сопровождаемый фоновым шумом уличного движения.

— Слушаю.

Корн посмотрел на Молли, которая внимательно следила за каждым его движением.

— Привет, старина. Это Корн. Нам нужно поговорить о зеркалах.

Новая глава жизни заканчивалась не ответом на том конце линии, а пониманием того, что пути назад в спокойную пенсию больше нет. Механизм был запущен, и ржавая антенна за окном больше не имела значения. Впереди была работа. Другая война. Невидимая, но оттого не менее разрушительная. И первый шаг в ней только что был сделан.

Глава 2. Слушания в стеклянном здании

Шуршание сотен пластиковых наушников для синхронного перевода сливалось в монотонный гул, заполнявший пространство под сводами. Зал заседаний комитета Европарламента в здании имени Поля-Анри Спаака напоминал внутренности гигантского, безупречно чистого механического кита: гнущее тонированное стекло, ряды светлого полированного дерева, десятки микрофонов, изогнутых над столами подобно тонким металлическим стеблям. Холодный брюссельский свет падал сквозь панорамные окна, обесцвечивая лица присутствующих и превращая их в одинаковые серые пятна.

Алекс Корн сидел в третьем ряду сектора для прессы и приглашённых наблюдателей. Кресло, обитое жёсткой синей тканью, оказалось неожиданно узким для его плеч. Воздух в зале был пересушен кондиционерами и пах озоном, горячей электроникой и дорогим парфюмом. Справа от него Роберт Хербст неторопливо протирал стёкла очков небольшим шёлковым платком. Посол почти не изменился за прошедшие годы — та же идеально прямая спина, тот же безупречный крой тёмно-синего костюма, разве что седины на висках стало больше, а движения приобрели ту осторожную плавность, которая приходит только с возрастом и высокой должностью.

— Тридцать лет назад ты предупреждал о подобном другими словами, Алекс, — негромко произнёс Хербст, убирая платок во внутренний карман пиджака. — Тогда это звучало как паранойя отставного офицера, насмотревшегося на призраков холодной войны. Сегодня это официальная повестка дня юридического комитета.

Корн промолчал, внимательно изучая президиум. Там, за длинным дугообразным столом, возвышающимся над остальными местами, Анна Ковальска, заместитель председателя комитета, раздражённо перекладывала листы в прозрачной пластиковой папке. Её строгий, застёгнутый на все пуговицы серый пиджак резко контрастировал с ярко-красной оправой очков, которые она то и дело поправляла коротким, нервным движением указательного пальца.

Рядом с ней перешёптывались два секретаря, то и дело указывая ручками на строки в распечатанном регламенте.

— Она явно куда-то спешит, — заметил Корн, наблюдая, как Ковальска в третий раз смотрит на часы.

— У неё закрытый обед с представителями телекоммуникационного лобби через сорок минут, — отозвался Хербст, надевая очки. — И крайне неудобный свидетель прямо сейчас. Посмотри на центральный стол.

В самом центре зала, лицом к президиуму, сидел Фабрицио Д'Агостини. Итальянский юрист выглядел измотанным, словно не спал несколько суток подряд. Тёмные круги под глазами выделялись на бледном лице, а галстук был слегка ослаблен. Перед ним высилась стопка документов, края которых пестрели десятками жёлтых и зелёных стикеров. Когда загорелся красный светодиод на ободке его микрофона, Д'Агостини заговорил на беглом английском с заметным миланским акцентом. Голос его звучал глухо, но твёрдо.

— Уважаемые члены комитета, мы собрались здесь, чтобы обсудить защиту фундаментальных прав граждан. Однако под видом этой защиты прямо сейчас в странах Европейского Союза внедряются административные практики, прямо нарушающие базовые свободы совести и убеждений.

Ковальска громко постучала тупым концом карандаша по деревянной столешнице. Звук разнёсся по залу через усилители.

— Господин Д'Агостини, комитет уже ознакомлен с вашей общей философской позицией из предварительных меморандумов. Пожалуйста, переходите к конкретным правовым прецедентам. У нас очень плотный график перед дневным перерывом, и мы не можем тратить время на абстрактные рассуждения.

Юрист медленно кивнул, ничуть не смутившись резким тоном. Он вытащил из середины стопки плотный лист бумаги.

— Конкретные прецеденты. Обратимся к так называемому «фильтру сект», который в последние годы активно применяется в государственных учреждениях Германии. На первый взгляд, это обычная административная мера, призванная обеспечить лояльность служащих. На практике же это инструмент религиозной и идеологической чистки. Соискатель на должность в государственном секторе, будь то обычный школьный учитель, социальный работник или муниципальный клерк, обязан подписать декларацию о том, что он не принадлежит к определённым группам.

Д'Агостини поднял документ так, чтобы его было видно президиуму.

— Если человек отказывается подписать эту бумагу, или если позже выясняется его принадлежность к группе из списка, ему немедленно отказывают в трудоустройстве или увольняют. Важно понимать: этот список составляется без какого-либо прозрачного судебного разбирательства. Это не криминализация конкретных противоправных действий. Это криминализация самих убеждений. Людей лишают права на профессию на основании перечней, которые формируют частные организации, самовольно присвоившие себе статус экспертов.

В зале повисла тяжёлая, вязкая тишина. Лишь тихо гудели системы синхронного перевода в стеклянных кабинках под потолком. Корн подался чуть вперёд, опершись локтями о колени. Он слишком хорошо помнил подобные практики из другой эпохи и другой географии, когда благонадёжность гражданина определялась правильной партийной линией, а не профессиональными навыками. Разница заключалась лишь в упаковке.

— Это вопрос национальной безопасности, — голос Ковальской прозвучал сухо и официально, словно она зачитывала текст по суфлёру. — Любое суверенное государство имеет полное право защищать свои институты от деструктивного влияния извне.

— Защищать от чего именно? — парировал Д'Агостини, откладывая лист в сторону. — От мыслей? От мирных собраний? Если мы говорим о праве, давайте посмотрим на новый

французский законопроект, который сейчас активно обсуждается. Законопроект вводит в уголовный кодекс совершенно новое понятие — «психологическое подчинение».

Он взял следующий документ, украшенный синей печатью в верхнем углу.

— Инициаторы этого законопроекта торжественно заявляют в прессе, что криминализируются не сами убеждения, а лишь незаконные методы, с помощью которых эти убеждения пропагандируются. Звучит разумно, не так ли? Но давайте вчитаемся в текст. Как именно правоохранительные органы должны доказывать, что вера была привита незаконным методом? В законопроекте нет чётких критериев. Доказательством становится Асамо мнение так называемых антикультистов или алармистские публикации в средствах массовой информации, которые заранее объявляют любую нетрадиционную группу «культовым отклонением». Юрист обвёл взглядом ряды слушателей.

— Они создали неюридическую, абсолютно ненаучную конструкцию. Что такое «преступление манипуляции сознанием» в строгом правовом смысле? Как его измерить? В граммах? В часах разговоров? Под давлением агрессивных медийных кампаний европейские правительства создают следственные суды, парламентские комиссии и даже специальные полицейские отряды. Это прямой путь к подавлению любого инакомыслия.

Ковальска демонстративно подняла левое запястье, глядя на циферблат.

— Ваше время истекает, господин свидетель. Прошу уложиться в семь минут. Регламент един для всех.

— Мне хватит и трёх, госпожа заместитель председателя, — итальянец слегка повысил голос, чтобы перекрыть начавшийся в зале ропот. — Сегодня мишенью становятся малые религиозные группы, потому что их легко маргинализировать. Завтра этот же самый закон, с теми же самыми размытыми формулировками о «психологическом подчинении», будет применён против политической оппозиции, независимых журналистов или экологических активистов. Правовая база для массовых преследований уже сформирована. Вы открываете дверь, которую потом не сможете закрыть.

Красный светодиод на микрофоне Д'Агостини внезапно погас. Ковальска отключила звук со своего центрального пульта.

— Комитет благодарит вас за выступление. Ваши письменные материалы будут приобщены к протоколу и приняты к сведению. — Она собрала свои бумаги в ровную стопку. — Заседание объявляется закрытым, перерыв до четырнадцати часов.

Стук небольшого деревянного молотка потонул в громком скрипе отодвигаемых кресел и гуле голосов. Люди потянулись к выходам, на ходу доставая смартфоны и проверяя почту.

Широкий коридор за пределами зала заседаний был залит тусклым, рассеянным светом, с трудом пробивающимся сквозь плотную многослойную облачность. Брюссель за огромными окнами утопал в бесконечной серой мороси, размывающей очертания соседних административных зданий. Корн остановился у массивного стеклянного фасада, отделяющего внутренний атриум от кулуаров, пропуская мимо себя стайку молодых стажёров с бумажными стаканчиками кофе.

Гладкая поверхность тонированного стекла отразила высокого человека в тёмно-сером шерстяном пальто. Глубокие морщины пролегли вокруг глаз, линия рта стала жёсткой и непреклонной. Корн на долгое мгновение задержал взгляд на собственном отражении. Он чувствовал себя чужеродным элементом в этом стерильном, упорядоченном пространстве бетона, металла и дорогого сукна, среди людей, чья жизнь измерялась параграфами резолюций и бюджетами комитетов. Он был вне игры. Просто старик, приехавший по приглашению старого друга посмотреть на новые, современные декорации очень старого спектакля.

— Алекс.

Голос Хербста вывел его из лёгкого оцепенения. Посол подошёл не один — рядом с ним шёл Фабрицио Д'Агостини. Вблизи, при естественном свете коридора, итальянский юрист казался ещё более бледным и измотанным. На его правом виске пульсировала тонкая жилка.

— Фабрицио, позвольте представить вам Алекса Корна, — негромко произнёс Хербст, делая шаг в сторону, чтобы не мешать проходящим мимо делегатам. — Тот самый человек, о котором я вам рассказывал на прошлой неделе.

— Рад личному знакомству, мистер Корн, — Д'Агостини протянул руку. Ладонь у него оказалась сухой, узкой и неожиданно сильной. — Посол Хербст уверял, что вы понимаете скрытую архитектуру подобных кампаний лучше, чем кто-либо из ныне живущих аналитиков.

— Я понимаю, что происходит, когда вижу, как целенаправленно строят систему преследования вне правового поля, — ровным тоном ответил Корн, отпуская его руку. — То, что вы рассказали там, за дверями, про Францию и Германию, — это только фасад. Политики не пишут такие законы с нуля. Кто составляет первоначальные списки неблагонадёжных?

Д'Агостини нервно оглянулся на двух охранников в униформе, дежуривших у эскалатора.

— В Италии они пошли ещё дальше, — юрист понизил голос почти до шёпота, придвинувшись ближе. — У нас уже несколько лет действует специальное подразделение полиции. Официально их задача — мониторинг потенциально опасных групп и предотвращение экстремизма. Звучит благородно. Неофициально — их главными и единственными консультантами выступают люди из сети антикультовых организаций. Структур, которые не имеют ни малейшей академической репутации, ни социологического образования.

Итальянец расстегнул замки своего потёртого, выдавшего виды кожаного портфеля и извлёк оттуда плотную картонную папку, перетянутую двумя чёрными резинками.

— Это непрерывный, бесконечный поток анонимных доносов. Жалобы рассылаются вездом: в полицию, в налоговую, в профессиональные ассоциации. Они методично уничтожают карьеры. Недавно был вопиющий случай с одним известным психологом. Она просто осмелилась публично выступить за необходимость конструктивного диалога с новыми религиозными движениями. На следующий день её бывшие коллеги по институту завалили профессиональную ассоциацию клеветническими жалобами, требуя лишить её лицензии. Это не научная дискуссия. Это систематическая, хорошо финансируемая кампания по тотальной дискредитации любого несогласного.

— И кто именно её финансирует? — спросил Корн, не сводя глаз с папки в руках юриста.

— Вот в этом и кроется самое интересное, — горько усмехнулся Д'Агостини, протягивая папку американцу. Картон оказался неожиданно тяжёлым, его углы слегка истрепались от частого использования. — Я потратил полгода, собирая данные по некоммерческим организациям, которые выступают главными инициаторами этих законов и полицейских расследований по всей Европе.

Корн принял документы, ощущая вес собранной информации.

— Здесь ровно двенадцать НКО, — продолжил итальянец, застёгивая портфель. — Франция, Италия, Бельгия, Латвия. У них разные названия, разные уставы, они публикуют статьи на разных языках. Но если вы внимательно посмотрите на их финансовую отчётность, на составы советов директоров и, что самое важное, на адреса юридической регистрации... Они пересекаются. Это единая, жёстко управляемая сеть. И они получают институциональную поддержку на самом высоком уровне, вплоть до консультативного статуса в структурах Совета Европы.

— Вы пытались передать эти материалы в прессу? — поинтересовался Корн.

— Никто из крупных изданий не хочет браться за эту тему, — Д'Агостини покачал головой. — Любого журналиста, который попытается копнуть чуть глубже официальных пресс-релизов, немедленно обвинят в защите «деструктивных сект» и пособничестве экстремистам.

Это идеальный, непробиваемый информационный щит. Они используют базовый человеческий страх за безопасность детей и общества, чтобы заставить замолчать любых критиков.

Хербст посмотрел на циферблат своих часов, слегка сдвинув манжету рубашки.

— Мне пора возвращаться в посольство, предстоит долгий разговор с Вашингтоном. Алекс, машина ждёт тебя на подземном паркинге, уровень Б. Изучи эти бумаги. Мы свяжемся вечером.

Корн молча кивнул, крепче сжимая картонную папку под мышкой.

Чёрный представительский «Мерседес» медленно продвигался сквозь плотный, почти остановившийся брюссельский трафик. Широкие щётки стеклоочистителей ритмично смахивали тяжёлые капли дождя с лобового стекла, размазывая свет уличных фонарей в длинные жёлтые полосы.

Корн сидел на заднем сиденье, включив узконаправленную светодиодную лампу для чтения, вмонтированную в потолок. Тугие резинки на папке сухо щёлкнули, когда он их снял и отложил в сторону. Внутри ровными стопками лежали десятки распечаток из государственных реестров юридических лиц, копии налоговых деклараций, выписки из банковских счетов и сложные схемы связей, нарисованные от руки синей шариковой ручкой на листах формата А3.

Он взял первый лист. Французская ассоциация по защите семей от психологического насилия. Юридический адрес: неприметное офисное здание в тринадцатом округе Парижа. Список учредителей состоял из пяти человек.

Второй лист. Итальянский независимый исследовательский центр по вопросам духовности. Юридический адрес: Рим, небольшая улица недалеко от центрального вокзала.

Третий лист. Бельгийский комитет гражданской бдительности. Адрес регистрации в Брюсселе.

Корн перевернул страницу, углубляясь в сводную таблицу, составленную Д'Агостини. В ней жёлтым маркером были выделены имена учредителей и членов правления. Одни и те же фамилии всплывали в разных странах регулярно. Люди, которые заседали в правлениях парижских НКО, чудесным образом оказывались соучредителями латвийских комитетов и итальянских фондов. Это не было случайным совпадением или обменом опытом между независимыми активистами.

Но внимание бывшего аналитика разведки привлекло другое. Графа с источниками грантового финансирования.

Большинство поступлений шло не напрямую, а через длинную цепочку транзитных счетов, зарегистрированных на неприметные консалтинговые фирмы в Восточной Европе. Суммы были тщательно выверены — небольшие, не привлекающие внимания служб финансового мониторинга и не требующие обязательного декларирования происхождения средств. Десять тысяч евро на проведение семинара здесь, пятнадцать тысяч на издание брошюры там. Но регулярность и синхронность этих платежей поражали воображение.

Шорох переворачиваемой бумаги сливался с монотонным шумом дождя, барабанившего по крыше автомобиля. Корн вытащил из середины папки цветную фотографию, прикреплённую массивной скрепкой к отчёту о международной конференции в Риге, датированному несколькими годами ранее. На снимке плотная группа людей стояла на фоне официального пресс-вола. Знакомые лица респектабельных европейских политиков, некоторых из которых он видел сегодня в кулуарах Европарламента, дежурно улыбались в объектив камеры. А прямо рядом с ними, плечом к плечу, стояли люди, чьи имена числились в списках учредителей этих сомнительных, агрессивных НКО.

Это была не просто разрозненная группа идейных фанатиков, борющихся с ветряными мельницами. Документы ясно показывали тщательно выстроенную, эшелонированную инфраструктуру влияния. Структуру, которая виртуозно маскировалась под низовые инициативы

гражданского общества, получая при этом финансирование из единого, глубоко законспирированного источника.

Автомобиль плавно затормозило на очередном перекрёстке. Красный свет светофора тревожно отразился на мокром, блестящем асфальте. Корн смотрел на пересекающиеся линии в схеме, нарисованной Д'Агостини. Двенадцать организаций. Четыре суверенные страны. И один и тот же, до боли знакомый почерк работы с документами и финансовыми потоками, который он не видел уже тридцать лет.

Он медленно перевернул следующий лист, вглядываясь в колонку с банковскими реквизитами консалтинговых фирм. Цифры выстраивались в длинные, безликие ряды, уводящие расследование далеко за пределы безопасных границ Европейского Союза. Механизм, запущенный десятилетия назад, продолжал работать, только теперь его шестерёнки вращались в самом сердце объединённой Европы.

Глава 3. Дело Оксаны Гриценко

Сорок страниц текста, скреплённых дешёвой пластиковой пружиной, лежали на липкой от пролитого сиропа столешнице. Синяя печать организации «Собор» на титульном листе слегка расплылась, словно бумагу уронили в снег перед тем, как принести в эту шумную кофейню на Подоле. За окном гудели трамваи, студенты за соседним столиком громко обсуждали сессию, а здесь, в углу, воздух казался спёртым и тяжёлым.

Оксана Гриценко сидела на самом краю дивана, вцепившись побелевшими пальцами в бумажный стаканчик с чаем. Тонкая, измученная женщина с глубокими тенями под глазами. Её взгляд постоянно метался между лицом Елены Мельник и лежащим на столе документом, словно папка могла в любой момент ожить и укусь.

— Они даже не потрудились изменить шрифт в заголовках, — Елена подвинула к себе распечатку, переворачивая страницу. — «Анализ поведенческих паттернов в малых религиозных группах». И дальше, на двенадцатой странице, ваши домашние встречи для чтения Библии квалифицированы как «признаки деструктивного культового поведения».

Журналистка достала из сумки диктофон, но пока не стала нажимать кнопку записи. Сначала нужно было выстроить доверие.

— Мой бывший муж просто забрал Костю из школы, — голос Оксаны дрогнул, она заговорила быстро, глотая окончания слов. — Я узнала об этом от младшей дочери. Звоню в полицию, а мне там заявляют, что отец имеет такие же права на ребёнка, как и мать. Никакого похищения нет. А через неделю я получаю повестку в суд об определении места жительства сына. И там меня ждёт этот адвокат.

— Адвокат от «Собора»?

— Да. И этот их так называемый эксперт. — Оксана судорожно вздохнула, отпуская стаканчик. — Я видела его впервые в жизни! Откуда этот совершенно незнакомый человек может вообще что-то обо мне знать? Но он стоял там, под присягой, и рассказывал судье, что я нахожусь под психологическим контролем, что я адепт тоталитарной секты. В качестве доказательства они притащили два тома макулатуры. Материалы каких-то своих же конференций, брошюры, изданные их руководителем. Судья смотрел на меня так, будто я преступница.

Елена сделала короткую пометку в блокноте. История складывалась в знакомый пазл.

— Вы пытались оспорить эту экспертизу?

— Я потратила год жизни на суды! — Женщина всплеснула руками. — То мне на новую экспертизу, то справки собирать, то ехать в другой город за бумагами. Они вымотали меня физически и финансово. А бывший муж... Знаете, родственники говорят, он сам стал как зомбированный. Никого не слушает, твердит заученные фразы про «спасение ребёнка от сектантов». И платит этим людям огромные деньги за сопровождение дела. Они превратили мою жизнь в ад, как он и обещал при разводе.

Пальцы Елены скользнули по экрану планшета, выводя из спящего режима заранее подготовленный файл. То, что она собиралась показать, должно было стать кульминацией интервью, связующим звеном для её большого расследования.

— Оксана, посмотрите на это. — Журналистка развернула экран к собеседнице. — Это текст российского закона, принятого в две тысячи шестнадцатом году. Официальный предлог — борьба с терроризмом, хотя реальная террористическая активность тогда шла на спад. А теперь сравните формулировки.

Она положила палец на подчёркнутый абзац на экране, затем указала на открытую страницу заключения «Собора».

— Видите? «Деструктивное культовое поведение», «незаконная миссионерская деятельность вне культовых зданий». Методичка, по которой вас лишили опеки над сыном, почти дословно повторяет этот закон. Целые абзацы скопированы без изменений. Организация «Собор» использует чужую правовую матрицу, чтобы уничтожать людей здесь, в Киеве.

Вместо ожидаемого озарения или возмущения масштабом заговора, лицо Оксаны исказила гримаса глухого раздражения. Она резко отодвинула планшет.

— Какое мне дело до России? — Её голос сорвался на злой, отчаянный шёпот. — Какое мне дело до законов шестнадцатого года и ваших геополитических расследований? У меня ребёнка забрали! Мой сын сейчас живёт с человеком, который запрещает ему общаться со мной, с друзьями, даже в школу нормально ходить не даёт. А вы мне показываете какие-то совпадения в текстах!

— Это важно для статьи, — попыталась успокоить её Елена, чувствуя, как контроль над разговором ускользает. — Если мы докажем, что «Собор» действует по кальке иностранных спецслужб, мы сможем привлечь внимание прокуратуры. Это дискредитирует их экспертизу. Но мне нужно понимать мотивацию вашего мужа. Почему он пошёл к ним?

Оксана скрестила руки на груди, отстраняясь.

— Я же сказала. Он хотел отомстить.

— Мсть бывает разной. — Журналистка подалась вперёд, игнорируя предупреждающий блеск в глазах собеседницы. Профессиональный азарт заглушил эмпатию. — Вы упомянули, что он обещал превратить вашу жизнь в ад при разводе. Что стало настоящей причиной разрыва? Были ли там финансовые претензии, которые он теперь пытается решить через шантаж ребёнком? Или кто-то другой?

Звон упавшей чайной ложечки показался оглушительным. Оксана медленно поднялась, её стул с резким скрипом отодвинулся по кафельной плитке.

— Вы ничем не лучше их, — тихо произнесла она, глядя на Елену сверху вниз. — Для них я — строчка в отчёте и повод заработать. Для вас — удобный пример для громкой статьи.

— Подождите, нам нужно подписать согласие на использование цитат... — Елена торопливо потянулась к папке с документами.

Но женщина уже развернулась. Дверь кофейни хлопнула, впуслав на секунду гул вечерней улицы, и Оксана Гриценко исчезла в толпе прохожих. На столе остался лежать пустой бланк согласия и остывший чай.

Хрустальные люстры в главном зале резиденции посла Соединённых Штатов отбрасывали тёплый, золотистый свет на полированный паркет. Приём по случаю визита торговой делегации собрал привычную публику: дипломаты, высокопоставленные чиновники министерств, представители международных фондов и горстка избранных журналистов. Официанты в безупречных белых рубашках бесшумно лавировали между группами гостей, предлагая шампанское и миниатюрные канапе.

Елена стояла у высокого окна, выходящего на тёмный сад, и бездумно крутила в руках бокал с минеральной водой. Шум светской беседы сливался в ровный, раздражающий фон.

Внутри всё кипело от злости на саму себя. Одно неосторожное слово, один слишком резкий нажим — и она потеряла важнейшего свидетеля.

Тяжёлые бархатные шторы слегка колыхнулись. Рядом материализовался Роберт Хербст. Посол выглядел слегка утомлённым, но его осанка оставалась безупречной.

— Вы выглядите так, словно готовы объявить войну этому бокалу, Елена, — негромко заметил он, останавливаясь рядом и глядя в ту же темноту за стеклом.

— Добрый вечер, господин посол. — Она попыталась изобразить вежливую улыбку, но вышло неубедительно. — Просто неудачный день. Провалила интервью. Слишком сильно надавила на человека, пытаясь вытащить нужные факты.

Хербст понимающе кивнул, делая глоток из своего бокала.

— Факты — упрямая вещь, но люди упрямее. Корн говорил мне, что вы нашли связь между местными экспертизами и старыми методичками.

— Нашла. Текст скопирован практически слово в слово. — Елена обернулась к залу, наблюдая за смеющимися людьми. — Организация «Собор» разрушает семьи, отбирает детей, ломает карьеры, и всё это под видом защиты общества от сект. Но самое страшное — суды им верят. Они приносят эту чушь с синими печатями, и государственная машина берёт под козырёк. Я пыталась объяснить это потерпевшей, показать масштаб проблемы. А она... она просто хотела вернуть сына.

— И вы решили, что её личная трагедия — недостаточно весомый аргумент без геополитического контекста.

Упрёк прозвучал мягко, но попал точно в цель. Елена отвела взгляд.

— Я хотела показать систему.

— Система работает не так, как вы думаете, — Хербст поставил свой бокал на проносимый мимо поднос официанта. — Вы ищите прямые приказы, переводы денег, скопированные тексты. Это всё есть, безусловно. Но это лишь механика. Суть гораздо глубже. Вы читали «Длинную телеграмму» Джорджа Кеннана?

— Документ сорок шестого года, заложивший основу холодной войны? В университете, мельком.

— Напрасно мельком. — Посол заложил руки за спину, его голос стал тише, заставляя Елену прислушиваться. — Кеннан писал о традиционном, инстинктивном для Кремля параноидальном взгляде на внешний мир. О том, что они не могут сосуществовать с центрами силы, которые не контролируют. Но методы изменились. В сорок шестом они строили железный занавес, чтобы не пустить информацию внутрь. Сегодня они используют открытость демократий, чтобы выплеснуть информацию наружу.

Свет от люстр отражался в стёклах очков Хербста, скрывая выражение его глаз.

— Ваша ошибка, Елена, в том, что вы пытаетесь уличить их во лжи. Вы думаете: вот, я покажу, что экспертиза поддельная, что текст украден, и чары спадут. Не спадут. Их цель — не заставить общество поверить в ложь про тоталитарные секты или отравленную воду. Их цель — сделать так, чтобы люди вообще перестали верить во что-либо. Ни судам, ни журналистам, ни соседям. Когда правда и ложь становятся просто двумя равнозначными мнениями в ток-шоу, побеждает тот, у кого больше наглости.

Он достал из внутреннего кармана пиджака плотную визитную карточку из кремовой бумаги. Без гербов, без должностей. Только имя и номер телефона.

— Ищите не того, кто лжёт, — произнёс Хербст, протягивая карточку журналистке. — Ищите того, кому выгодно, чтобы вы перестали различать. Того, кто финансирует этот хаос, оставаясь в тени. Корн знает, как искать такие следы. Позвоните по этому номеру, когда будете готовы сменить оптику.

Посол учтиво кивнул и плавно растворился в толпе гостей, оставив Елену наедине с гулом чужих разговоров и карточкой в руке.

Ночной воздух Киева пах влажным асфальтом. Елена шла по улице Богдана Хмельницкого, не обращая внимания на мелкий, морозящий дождь. Фонари выхватывали из темноты фасады старых зданий, редкие прохожие спешили укрыться под козырьками остановок.

В кармане пальто лежал диктофон с бесполезной записью и смятый, неподписанный бланк согласия.

Слова Хербста крутились в голове, накладываясь на воспоминания о сегодняшнем вечере. Посол был прав. Она вела себя как следователь, а не как журналист. Увидела в Оксане Гриценко не измученную мать, потерявшую ребёнка, а удобный инструмент для доказательства своей теории. Хотела использовать её боль, чтобы ударить по «Собору».

Шаги гулко отдавались в тишине пустеющей улицы.

Организация, написавшая ту экспертизу, действовала точно так же. Для них Оксана тоже была не человеком, а материалом. Способом отработать гонорар бывшего мужа и поставить галочку в отчёте о борьбе с деструктивными элементами.

Елена остановилась у пешеходного перехода. Красный свет светофора расплывался в лужах.

Она испортила единственный прямой источник. Женщину, которая могла бы стать человеческим лицом этого расследования, чья история заставила бы читателей сопереживать, а не просто анализировать сухие факты. И это осознание собственного непрофессионализма, собственной слепоты раздражало её сейчас гораздо больше, чем происки антикультистов или украденные абзацы.

Светофор переключился на зелёный, но журналистка не сдвинулась с места. Она достала из кармана визитку Хербста. Белый прямоугольник слабо светился в полумраке.

Нужно было начинать всё сначала. И в этот раз — не с документов, а с тех, кто дёргает за ниточки, прячась за спинами таких, как бывший муж Оксаны.

Телефон в сумке коротко завибрировал, оповещая о новом сообщении, но Елена не стала его доставать. Она смотрела на цифры на карточке, понимая, что следующий шаг изменит правила игры окончательно.

Глава 4. Метро «Дорогожичи»

«Убери руки от карманов. И телефон достань, положи на гранит, экраном вверх».

Голос прозвучал сзади, почти полностью поглощённый низким, вибрирующим гулом прибывающего под землю поезда. Елена медленно обернулась, стараясь контролировать каждое своё движение. Вестибюль станции метро «Дорогожичи» в вечерний час пик представлял собой хаотичный, непрерывно движущийся водоворот. Сотни уставших после долгого рабочего дня людей спешили к эскалаторам, глухо стучали мокрыми подошвами по серому мрамору, стряхивали холодные капли с раскрытых зонтов. Воздух здесь всегда казался тяжёлым, пропитанным запахом влажной шерсти пальто, пережжённого кофе из автоматов у входа и той специфической, ни с чем не сравнимой подземной сыростью, которая моментально въедается в волосы и одежду.

Дмитрий Панченко оказался другим, чем она ожидала, судя по его резким, самоуверенным и даже наглым сообщениям в защищённом мессенджере. Надвинутая на самые брови тёмно-серая шапка крупной вязки скрывала лоб, а воротник поношенной демисезонной куртки был поднят так высоко, что закрывал подбородок. Его глаза — воспалённые, с явными красными прожилками на белках — непрерывно и тревожно сканировали проходящую мимо толпу.

Журналистка молча вытащила смартфон из кармана и опустила его на широкий парапет у массивной опорной колонны.

— Диктофона нет. Как мы и договаривались. Открытое место, сотни свидетелей.

Дмитрий подозрительно скользнул взглядом по её рукам, затем посмотрел поверх её плеча, туда, где за тяжёлыми стеклянными дверями хлестал косой осенний киевский дождь.

— Если ты притащила за собой хвост, Мельник, я просто развернусь и растворюсь в толпе. И ты никогда в жизни не узнаешь, как именно они делают из абсолютной пустоты главную новость национального масштаба.

— Я пришла одна, — ровным, лишенным эмоций тоном ответила Елена, скрестив руки на груди. — Ты сам выбрал эту станцию и это время. Ты обещал подробно рассказать про схему. Про то, как ваша структура легализует информационные вбросы.

Панченко нервно дёрнул левым плечом, словно пытаясь сбросить невидимую тяжесть. Он придвинулся на полшага ближе.

— Это не просто вбросы, — заговорил он быстро, периодически проглатывая окончания слов. — Забудь это дилетантское слово. Вброс — это когда обиженный подросток пишет на заборе гадость и убегает. То, что делали мы — это высокотехнологичный промышленный конвейер. Ты серьёзно думаешь, что мы сидели в каком-то душном подвале и строчили однотипные комментарии с фейковых аккаунтов, как в четырнадцатом году? Это прошлый век. Сейчас всё работает на совершенно ином уровне. Истинное искусство заключается в отмытии нарратива.

Мимо них с оглушительным грохотом прокатила металлическую тележку уборщица в ярко-оранжевом светоотражающем жилете. Бывший сотрудник «фабрики» вздрогнул всем телом и мгновенно замолчал, провожая женщину параноидальным взглядом, пока она не скрылась за углом газетного киоска.

— Три этапа, — продолжил он севшим голосом, убедившись, что никто из прохожих не обращает на них внимания. — Сначала создаётся так называемый анонимный источник. Это может быть новый канал в Telegram, закрытая группа в социальной сети или профиль на маргинальном форуме. Там публикуется первичный материал. Фотография сомнительного качества, обрывок документа без печатей, гневный эмоциональный пост от имени якобы «очевидца событий» или «разочарованного волонтёра». Это просто сырьё. Само по себе оно не вызывает доверия у нормального, критически мыслящего человека.

Елена коротко кивнула, не перебивая. Механика, о которой говорил посол Хербст на приёме, начинала обретать чёткие, пугающие контуры.

— На втором этапе этот сырой пост подхватывает так называемый «независимый блог» или портал гражданской расследовательской журналистики, — Панченко судорожно потёр переносицу. — У нас была создана целая разветвлённая сетка таких сайтов. Выглядят они потрясающе достоверно. Там есть красивый раздел «Редакция», висят профессиональные фотографии авторов с длинными биографиями. Только эти авторы полностью сгенерированы нейросетью, а их жизненный путь написан нашими копирайтерами. Возьми, к примеру, журналистку из Чехии. Она берет анонимный пост и делает из него глубокую аналитическую статью. Добавляет исторический контекст, виртуозно притягивает за уши реальные факты, задаёт аудитории правильные вопросы. «Почему правительство скрывает от нас правду?», «Кому на самом деле выгодна эта безопасность на бумаге?».

Дмитрий перевёл дух. Шум станции на мгновение полностью поглотил его слова, когда из тёмного туннеля вырвался очередной состав, обдав стоящих на платформе внизу людей потоком тёплого, пыльного воздуха.

— Они структурируют материал так, чтобы он вызывал нужную, заранее запрограммированную эмоцию, — продолжил он, повысив голос. — Страх, гнев, жгучее ощущение предательства со стороны властей. Помнишь недавнюю историю со стрельбой в Европе? Мы создали фейковый Telegram-канал стрелка. Наполнили его постами о том, как он якобы вдохновлялся определёнными западными ценностями. А потом журналистка написала статью, где прямо обвинила государственные институты в бездействии, добавив скрытые призывы расстрелять Палату депутатов. Всё это подавалось под видом комментариев так называемого «героя».

— Заражение, — тихо произнесла Елена. — Прайминг аудитории.

— Именно так. Они героизируют агрессию или показывают готовые шаблоны поведения, которые моментально дестабилизируют общество. Статья выходит далеко за рамки классической журналистики, она бьёт по национальной безопасности. Но рядовой читатель видит качественную вёрстку, видит имя автора, видит ссылки на некие «источники в сети» и начинает безоговорочно верить.

— А третий этап? — Журналистка подалась вперёд, стараясь удержать его блуждающее внимание.

— Третий этап — это финальная стадия легализации, — криво, безрадостно усмехнулся бывший сотрудник «фабрики». — Нормальное, среднее издание, которому постоянно нужен свежий трафик и кликейтные, кричащие заголовки, берёт эту статью из нашего блога. Они никогда не ссылаются на мутный анонимный Telegram-канал стрелка или городского сумасшедшего. Они ссылаются на «независимых европейских расследователей» или «сетевых аналитиков». Всё. Цикл завершён. Нарратив отмыт добела. Теперь это не слухи маргиналов, это официальная новость, которую можно на полном серьёзе цитировать на национальном телевидении. Заголовки кричат: «Глава полиции раскрыл первые подробности» или «Эксперты подтвердили худшие опасения». А потребитель таких публикаций никогда в жизни не пойдёт проверять, существует ли этот журналист в реальности и какие именно вопросы он задавал.

Он вцепился побелевшими от напряжения пальцами в холодный край гранитного парапета.

— Три громких материала о тотальной коррупции в западных гуманитарных фондах за последний год. Те самые статьи, из-за которых начались правительственные проверки, а доноры приостановили финансирование важнейших программ помощи. Все они прошли ровно по этой цепочке. Слово в слово. Мы просто тестировали пропускную способность системы на реальных мишенях.

Утренний визит в офис к Тарасу всплыл в памяти Елены с фотографической ясностью.

Программист тогда сидел в тесной, полутёмной серверной, заставленной гудящими чёрными стойками с маршрутизаторами. Тарас, не отрывая покрасневших от недосыпа глаз от трёх составленных вместе мониторов, быстро и ритмично стучал по механической клавиатуре, методично взламывая цифровые фасады тех самых «независимых блогов».

Елена не стала спорить с Панченко или требовать дополнительных подтверждений на словах. Вместо этого она расстегнула молнию на сумке и достала сложенный вдвое лист плотной бумаги — распечатку, которую Тарас сделал для неё всего несколько часов назад.

— Я прекрасно знаю, что ты не врёшь про саму механику схемы, — сказала она, разворачивая документ и прижимая его к парапету рядом со своим телефоном. — Мы детально проверили один из ваших ресурсов. Сайт «Вильна Балтика».

Дмитрий мгновенно напрягся. Его бегающий взгляд сфокусировался на бумаге, словно это был подписанный прокурором ордер на арест.

Программист несколькими командами вытащил на экран скрытую историю правок скандальной статьи об утечке токсичных реагентов на химическом заводе. Того самого материала, который запустил первую волну паники в регионе.

— Черновик этого текста, — Елена постучала ногтем по выделенной жёлтым маркером строке на распечатке, — был загружен в панель администратора сайта ровно за двое суток до того, как в Telegram вообще появился тот самый «первичный» анонимный пост об аварии. То есть ваш «независимый блог» написал глубокую, детальную аналитику на событие, которого в информационном поле ещё просто не существовало в природе.

Панченко молчал, тяжело и прерывисто дыша через рот.

Но Тарас пошёл гораздо дальше простой проверки дат. *«Я пробил электронную почту главного администратора, который заливал этот текст на сервер, — говорил он утром, делая большой глоток из жестяной банки. — Использовался временный, одноразовый ящик.*

Но пароль от него утёк в старой базе данных хакерских форумов ещё два года назад. И знаешь, что самое интересное? Этот же сложный пароль использовался для входа в аккаунты целой сетки ваших псевдо-авторов. Уникальная буквенно-цифровая комбинация. Одна и та же числовая серия в адресах, начинающаяся на одинаковые буквы, один и тот же поведенческий паттерн. Я прогнал этот паттерн через открытые базы данных утечек и нашёл сто-процентное совпадение с почтовым ящиком некоего Сергея Красина. Это не просто боты, Лена. Это структура с армейской дисциплиной, завязанная на кадровых офицеров».

— Вы точно знали, что информационный взброс произойдёт, и заранее подготовили почву для его легализации, — произнесла журналистка, глядя прямо в воспалённые глаза собеседника. — Это не просто коммерческая накрутка лайков. Это чётко скоординированная операционная работа. Единый центр управления, который дёргает за ниточки.

Дмитрий резким, почти звериным движением выхватил распечатку из её рук. Он лихорадочно пробежал глазами по колонкам цифр и IP-адресов. Его лицо на глазах приобрело нездоровый, землисто-серый оттенок.

— Вы совершенно сумасшедшие, — прошипел он, оглядываясь по сторонам с удвоенной, неконтролируемой паникой. — Зачем вы вообще туда полезли? Если ваш чёртов хакер оставил цифровые следы, если они засекли внешний пинг к серверам...

— Он не оставил никаких следов. Тарас знает своё дело лучше многих.

— Никто в этом мире не знает своё дело до конца! — Панченко скомкал лист плотной бумаги в тугой шар и сунул его в глубокий карман куртки. — Вы абсолютно не понимаете, с кем пытаетесь играть в детективов. Это не просто группа голодных студентов, подрабатывающих написанием комментариев за копейки. У них есть прямой доступ к государственным базам данных, к уличным камерам наблюдения, к биллингу мобильных операторов. Они знают всё обо всех.

— Именно поэтому тебе срочно нужны деньги на отъезд, — спокойно констатировала Елена, полностью игнорируя его нарастающую истерику. — Ты панически боишься, что тебя спишут как отработанный, потенциально опасный материал.

— Мне нужны деньги, потому что у меня огромные карточные долги, из-за которых я вообще изначально ввязался в это дерьмо! — огрызнулся он, брызгая слюной. — И мне нужно уехать из Киева прямо сегодня. Далеко и надолго. Затеряться где-нибудь в Восточной Европе, где они не станут тратить ресурсы на мои поиски. Я не собираюсь строить из себя мученика или героя, Мельник. Мне глубоко плевать на вашу демократию, на свободу слова и на то, кто там кому доверяет в интернете. Я просто хочу выжить. Пять тысяч долларов наличными мелкими купюрами, и я назову тебе конкретную структуру, которая оплачивает весь этот бесконечный банкет.

Сумма была весьма значительной для бюджета независимого расследователя, но предлагаемая информация стоила каждого цента. Без чёткого финансового следа вся эта блестящая схема оставалась лишь набором интересных, но недоказуемых в суде цифровых аномалий.

— Я могу организовать официальный гонорар от редакции за предоставление эксклюзивной информации, — осторожно, подбирая слова, сказала Елена. — Но мне нужны железобетонные гарантии. Название фонда или компании прямо сейчас, здесь. Кто именно платит за отмыwanie этих нарративов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.